Лобанов Сергей 060506

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

Третья вода на Сезанне

Сергей Лобанов в Музее личных коллекций

Коммерсантъ - 2006 - 6 мая - с. 8.

В Музее личных коллекций ГМИИ имени Пушкина открылась выставка Сергея Лобанова — ныне забытого бубнововалетовца, почти все наследие которого оказалось в собрании бизнесмена Яна Абрамова. Устроившая выставку галерея «Триумф» выпустила к открытию catalogue raisonne художника. Радость открытия хорошо забытого старого не смогла разделить с кураторами АННА ТОЛСТОВА.

В лице Сергея Лобанова публика может разглядеть черты немецкой новой вещественности и русского сезаннизма ФОТО ИЛЬИ ПИТАЛЕВА

Искусство Сергея Лобанова наводит на крамольную мысль: не для каждого русского художника начала XX века знакомство с коллекциями Сергея Щукина и Ивана Морозова оказалось благоприятным. Сергею Лобанову эти морозово-щукинские французы просто-таки мешали жить спокойно. Отчасти в прямом смысле слова: полтора десятилетия он состоял при них хранителем, что, конечно, сильно отвлекало от собственного творчества. Еще учась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, Лобанов проявил интерес к истории искусства: книжки собирал, по музеям бегал. Потом и вовсе записался вольнослушателем на искусствоведческие курсы при Археологическом институте.

После революции ученого-художника приняли в отдел по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса — ездить по усадьбам и описывать национализируемые коллекции, а в 1922-м назначили старшим хранителем щукинского собрания. В легендарном Музее нового западного искусства (ГМНЗИ), составленном из сокровищ Щукина и Морозова, Лобанов проработал аж до 1936 года, дослужившись до постов замдиректора и ученого секретаря. Служил верой и правдой: писал письма в Моссовет — протестовал против уплотнения, требовал улучшить финансирование музея. А сам чуть выдастся свободная минутка — на этюды в Крым, искать натуру, похожую на сезанновскую гору Сен-Виктуар.

Эта беспорочная служба, собственно, и есть единственное основание для того, чтобы выставить Сергея Лобанова в Музее личных коллекций — филиале ГМИИ имени Пушкина, в фонд которого вошла после расформирования в 1948 году часть собрания ГМНЗИ. Потому что живопись и графика художника основания для персональной выставки в главном столичном музее, увы, не дает. И виноваты в этом опять же французы с их пленэрными цветами и пресловутой этюдностью. Вообще, у Лобанова, судя по ранним, выставлявшимся с «Бубновыми валетами» портретам и пейзажам, была природная склонность к чему-то германскому: к экспрессионизму, к глухим и интенсивным лиловым, синим, зеленым — в духе «Синего всадника». Но учителя (одним из которых был Илья Машков) и товарищи твердили одно: Сезанн, Сезанн, Сезанн. И Лобанов послушно шел на этюды в поисках отечественных аналогов берегов Марны и окрестностей Экс-ан-Прованса, наступая на горло собственному дару. А дар был — дар изысканного, по-немецки суховатого, напоминающего чем-то не то Бориса Григорьева, не то Мстислава Добужинского, рисовальщика. Это видно в самых удачных его картинах, например в прорисованном с дотошностью «новой вещественности» портрете Владимира Эйферта. Это видно по немногочисленным, но отличным зарисовкам, сделанным Лобановым в Муранове, Архангельском и Царицыне — лучшему, что есть на выставке.

Впрочем, если забытых художников открывают, значит, это кому-нибудь нужно. В случае с Сергеем Лобановым все очевидно: на международном рынке цены на «Бубновый валет» растут день ото дня, лидеры объединения — Илья Машков, Петр Кончаловский — давно выбились в миллионщики. Видимо, настало время третьестепенных художников этого круга.